

СОДЕРЖАНИЕ

Колобок (СУС 2025).....	11
Глинышек (СУС 2028)	59
Мальчик-с-пальчик (СУС 700).....	99
Снегурочка (СУС 703*)	109
Вершки и корешки (СУС 1030).....	119
Курочка-Ряба (СУС 2022В)	128
Хаврошечка и Буренушка (СУС 511)	177
Репка (СУС 2044).....	189
Грех № 1	227
Грех № 2	230
Грех № 3	233
Теремок (СУС 283 В*).....	247
Гуси-лебеди (СУС 480* Е).....	270
Литература.....	302

Отцу
(10.05.1949–23.09.2020)

Идея написать данную книгу возникла по прочтению мной в Рязани в 2018 г. ряда лекций, посвященных смыслам нескольких сказок, традиционно относимых к детским. Аудитория, слушая реально бытовавшие в народе, не адаптированные для современных детских сборников варианты этих известных всем и каждому незамысловатых историй для детей, мягко говоря, была несколько шокирована. Мифологическое содержание сказок, раскрываемое на основе подлинно народных версий, позволило по-новому взглянуть как на эти сюжеты, так и на их назначение. Данные наработки показалось логичным объединить под одной обложкой вместе с разбросанными по разным моим книгам экскурсами в области сказки, проведенными через призму поиска мифологических истоков. Их дополнили исследования сюжетов, ранее не рассматривавшихся и составивших отдельные главы. Так и появилась на свет лежащая перед вами работа, включающая как старый, так и новый материал. Техническая подробность: поскольку все сказки давно систематизированы по номерам сюжетов, в тексте книги эти номера приводятся по «Сравнительному указателю сюжетов. Восточнославянская сказка» (Л., 1979), сокращенно СУС.

Нам в целом привычно считать сказки вообще этакой забавой для детей. Вроде бы как взрослые – родители или бабушки-дедушки – рассказывали их на ночь детям-внукам, чтобы те угомонились и заснули под мерное течение истории. Эта патриархальная картина в общем верна. Такое использование сказок действительно известно, и их гипнотическое воздействие сомнений не вызывает. Равно как не ставится под сомнение и назидательный элемент этих историй: сказка должна чему-то на-

учить ребенка через внушение, своеобразное программирование, легче всего проходящее при неактивном состоянии сознания. Такую же функцию выполняют некоторые колыбельные песни, исполняемые для малышей, еще не способных вникать в сюжеты сказок.

И хотя все это верно, считать сказки исключительно детским фольклором – ошибка. Собирателям сказок, этнографам, действовавшим «в поле» и заставшим период, когда сказка еще активно жила, хорошо известна другая сторона вопроса. Сказка – вполне себе жанр для взрослых. И речь не столько о сказках с подчеркнута непристойным содержанием – так называемых «заветных», эротических, – но и о волшебных и богатырских сказках, где речь идет о колдунах и витязях, чудищах и чудесах, волшебных предметах и говорящих зверях. Вот лишь один пример бытования сказок среди взрослого населения, приведенный братьями-этнографами Б. и Ю. Соколовыми (начало XX в.): «Специальным условием развития и жизни сказки /.../ является самый характер крестьянских работ. Во-первых, рубка в лесу. Зимой в глухом лесу, далеко от жилья, собирается часто целая деревня – и мужики, и бабы, и дети. Днем тяжелая работа, а как стемнеет – заслуженный отдых у горящего очага. /.../ Каким желанным человеком является тогда сказочник! Среди дремучего леса, трещащих от мороза деревьев, под вой волков, у горящего огня – какая подходящая обстановка, какая благоприятная почва – для волшебного полного всевозможных страхов рассказа! /.../ Не меньше, чем совместная «артельная» жизнь в лесу /.../ поддержанию сказки в Белозерском крае способствует рыбная ловля. Рыболовы, уезжая в озера на долгое время и забросив там свои сети или дожидаясь попутного ветра, должны проводить много времени в вынужденном бездействии, а потому они особенно благосклонно относятся к сказочнику. /.../ Они обещали сказочнику известную часть улова, лишь бы он не отказался ехать с ними на промысел. Также процветают всевозможные рассказы в оригинальном деревенском

клубе – на мельнице. На мельницу стекается много мужиков, и в ожидании своей очереди они бывают принуждены иной раз проводить несколько дней. Сказка и здесь – лучшее и наиболее привлекательное средство скоротать время» (Соколовы, С. 95–96). Из чего определенно следует, что сказка служила и для развлечения взрослых, выступая для них своеобразным аналогом радио, современного просматривания кинофильма или чтению (аудио)книги, когда зритель / читатель / слушатель следит на протяжении некоторого времени за похождениями героев истории. Хотя, разумеется, вряд ли в эти годы в такой аудитории, на артельной рубке леса или рыбном ловле, уже озвучивались истории о недолгих похождениях Колобка или же о коллективной добыче необычайно крупной репы.

Исследователями давно подмечена связь сказки с мифом и религией. Последнее легко обнаруживается, когда герою истории приходится идти к Богу, противодействовать человекоподобной Смерти, посещать небо, Рай и Ад. Мифология в сказках видна, пожалуй, только взгляду специалиста, способного провести соответствующие параллели между реалиями волшебной сказки и мифологическими сюжетами. Сказку вполне уместно считать упрощением или продолжением архаического мифа. Канва сказки иной раз является порождением мифологического сюжета, а иной раз – мифом, переродившимся в сказку: «Собственно сказочная семантика может быть интерпретирована только исходя из мифологических истоков. Это всё та же мифологическая семантика, но порой уже оторванная от племенных верований и принявшая некоторую поэтическую условность, а также испытавшая известный сдвиг от космического к социальному и индивидуальному» (Мелетинский 1998, С. 17). В другой своей работе Е.М. Мелетинский говорит про «историческое стадийное соотношение между мифом и сказкой» и «архаический и синкретический характер мифа, в принципе предшествующего волшебной сказке» (Мелетинский 1995, С. 56). А.Н. Афанасьев полагал, что мифологические осно-

вы имеются и у «большей части детских сказок, посвященных животным» (Афанасьев 2, С. 742). Наконец, можно привести лапидарное высказывание В.Я. Проппа, читающееся как формула: «когда герой теряет свое имя, а рассказ теряет свой сакральный характер – миф и легенда превращаются в сказку» (Пропп, С. 227).

Этот тезис вполне доказуем. Как подытоживает М. Элиаде, «миф излагает сакральную историю, повествует о событии, произошедшем в достопамятные времена «начала всех начал». Миф рассказывает, каким образом реальность, благодаря подвигам сверхъестественных существ, достигла своего воплощения и осуществления, будь то всеобъемлющая реальность, космос или только ее фрагмент /.../ Это всегда рассказ о некоем «творении», нам сообщается, каким образом что-либо произошло, и в мифе мы стоим у истоков существования этого «чего-то» (Элиаде, С. 15–16). Так, отчетливо виден след этиологического мифа в ряде сказок. Богатырь Бур-Храбер наказывает тех, кто выдал его победы над змеями за свои: *«Он одному провел по головы так спереду до заду – волосы вси облезли. С тех пор плешачи пошли, до этих пор не было плешатых. А другому на голову руку приклат – горбатым стал. До тех пор горбчатых не было, а с тех пор горбачи пошли»* (Пудож, № 1). В украинской сказке Кирило Кожемяка убивает змея, что приводит к возникновению кровососущих насекомых: *«От же Кирило зробив трохи й нерозумно: взяв ёго, спалив да й пустив по вітру попел; то з того попелу завелась вся тая погань – мошки, комарі, мухи. А як-би він узяв да закопав той попел у землю, то нічого б сёго не було на світі»* (Кулиш, С. 30). В сказке о чудесном жернове / меленке (СУС 565) подаренный Богом или чертом чудесный предмет мелет всё, что ни пожелаешь, главное – знать слово, а когда человек его забывает или жерновом пользуется тот, кто слова не знает, жернов, намоловший горы соли, приходится выбрасывать в море: рус. *«А жернов продолжал молоть соль и сейчас еще молет. Вот поэтому вода в море соленая»* (Митропольская,

№ 122), укр. «*І вверг той млинець у море, та він там далі молів. І тому море солене*» (Зинчук 18, № 19). Сказки на сюжет «Рыбак и золотая рыбка» (СУС 555) рассказывают о происхождении медведей из людей, не сумевших остановиться в своей жадности, выказывая своему чудесному дарителю (дереву, птице) все более неумеренные требования: «*Идет старик домой. Отворил дверь, а старуха сделалась медведицей и побежала в лес. А старик испугался и вдруг тоже сделался медведем и побежал в лес. И с тех пор завелись медведи в лесу*» (УИМ, № 139), «*Липка и говорит: «Будь же ты медведем, а жена медведицей!» И стал он медведем, а она медведицей. Вот и пошли медведи*» (Худяков, № 37). Превращать людей в новых существ этого мира, создавать новых существ, изменять людей – все это под силу лишь высшим силам. Здесь уже нет фигур богов, и потому истоком изменения названы чудесное дерево, могучие богатыри. Но за этими сказочными образами стоят все же божества или полубоги, ибо другим такие деяния не под силу.

Также хорошо известно, что детским фольклором и обрядом зачастую становится фольклор и обряд взрослых, постепенно исчезающие из репертуара старшего поколения. Фольклорные тексты «спускаются» в детскую среду, разрушаясь и упрощаясь. Это обычно конечная стадия бытования их, однако, все еще позволяющая фиксировать уходящие жанры, судить о них. Вот что пишет Н. Велецкая относительно связи серьезного ритуала и детской забавы: «ритуал трансформируется в драматизированное действие, сохраняющее частично функциональное содержание, а вслед за тем – в молодежное игрище. Функциональное содержание его утрачено и забыто. Последняя ступень перед исчезновением из народной традиции и окончательным забвением – детская игра. Тем не менее, для анализа древнего обычая, реконструкции ритуала и детская игра иногда может содержать элементы, позволяющие если не реконструировать его целиком, то понять существенные моменты, важные для восстановления утраченных звеньев во многих частях разорванной цепи. От

элемента социального уклада до превращения в пережиточное явление, в драматизированный элемент обрядности, а затем в молодежное игрище, и, наконец, в детскую игру языческий ритуал проходит длительный, сложный путь превращений» (Велецкая, С. 76–77).

Данное вступление понадобилось нам для обоснования следующей цепочки положений:

- ☛ «детские» сказки, вероятно, могли иметь своим истоком сказки взрослой аудитории;
- ☛ сказки могут иметь связь с мифами.

Здесь мы обратимся к рассмотрению мифологических истоков, более-менее вероятных, ряда «детских» сказок. Это, главным образом, весьма недлинные тексты «для самых маленьких», известные каждому и публикуемые в обязательном порядке едва ли не во всех сборниках детских сказок.

Все их слышали в детстве, видели их экранизации, читали своим детям. Но проблема в том, что на самом деле мы их не знаем. Совершенно. Нам попросту неизвестны настоящие варианты этих сказок, некогда исполняемые в народе, которым они были созданы и от которого они были записаны. То, что публикуется уже третье столетие подряд, – всего лишь адаптации, авторские обработки. Эти переложения осуществили педагог К.Д. Ушинский («Родное слово», 1864), знаменитый лексикограф В.И. Даль («Первая первинка полуграмотной внуке», 1870) и писатель А.Н. Толстой («Русские народные сказки», 1940). Стараясь сгладить «неблагозвучные» для городского ребенка слова (сучка в «Репке» потому и превратилась в Жучку), убрать жуткие подробности, диалектизмы и просторечивые выражения, упорядочить оригинальный неровный рассказ, придать истории логику, мораль, понятную концовку, мастера слова серьезно вмешались в текст исходников. Такая педагогическая идея понятна и оправдана, и цель оказалось полностью выполнена. Ни в коем случае их труд не осуждаем, ибо поль-

за была хотя бы в привлечении внимания общественности к сказкам как таковым и сохранение этого жанра в той или иной форме. Но очевиден и побочный эффект – забвение подлинно народных историй и окончательная утрата подразумеваемых смыслов этих сюжетов. Сказка народная оказалась подменена красивой литературной поделкой. При обращении к научным публикациям сказок, не предназначенных для назидательного чтения детям, мы обнаружим варианты, зачастую весьма и весьма непохожие на привычные нам. Жестокие, не смешные, какие и не захочешь по доброй воле читать своим сыновьям с дочерьми. Почему они таковы, и что хотели поведать при помощи подобных произведений наши предки своим детям (и детям ли)?

Помимо собственно русских сказок, нами будут рассмотрены украинские и белорусские тексты на аналогичные сюжеты, что обусловлено языковой общностью всех трех народов, объединяемых в восточнославянскую группу языков. Давайте присмотримся к изнанке сказки. Что она скрывает на самом деле?

КОЛОБОК

(СУС 2025)

Сюжет сказки «Колобок» знаком с детства каждому из читателей. Все видели множество забавных книжных иллюстраций, показывающих веселые похождения румяного и улыбающегося хлебулочного героя, катящегося к закономерно печальному концу. А если не картинки в книге, то один из многочисленных мультфильмов по мотивам. Сказка незамысловатая, и любой педагог, а вместе с ним и родитель, прямо скажет: назидательный смысл истории в том, что хвастовство может довести до беды, и родителей надо слушаться. Именно этому Колобок и должен научить ребенка, радостно подпевающего его песенке: «Я от дедушки ушел...». Да, Колобка съела лиса, но никто не испытывает по этому поводу никакой печали. Что, впрочем, само по себе уже странно. Но у нас речь не о том. Одним словом, «Колобок» – довольно простая сказка, и на первый взгляд сомнительно, что в ней есть какая-то тайна, какой-то иной смысл помимо вышеназванного, что вообще существуют иные варианты данной общеизвестной истории.

Тем не менее, эти варианты есть, их много, и в них всё оказывается несколько сложнее, чем в «официальном» тексте. Эту сказку не пришлось сильно обрабатывать, в отличие от той же «Репки» или «Курочки-рябы». Та версия, что вошла во все детские сборники, в реальности существовала. Впервые ее зафиксировала Е.А. Авдеева, опубликовав в сборнике «Русские сказки для детей, рассказанные нянюшкой Авдотьей Степановной Черепьевою» (СПб., 1844 г.). Здесь уже есть всё, что нам привычно: просьба старика, метение по сусекам, бегство Колобка, его неизменная

песенка, встреча с волком-медведем-лисой, гибель в пасти лисы. Единственно что, затерялась одна деталь: *«Много попадалось колобку разных зверей и все грозились съестъ его»* (Сказки XIX, № 26). Да, зверей было больше... Впрочем, «классическим» текстом стала не эта запись, а публикация сказки «Колобок» из вышедшего немного позднее сборника А.Н. Афанасьева «Русские народные сказки» (М., 1855 г.). Здесь набор зверей как раз тот, к которому мы привыкли: заяц-волк-медведь-лиса. Это у Авдеевой Колобок поет: *«Я от дедушки ушел...»*, это у Афанасьева звери говорят: *«Колобок, колобок! Я тебя съем»*. К.Д. Ушинскому для своего издания сказок (1864 г.) данную запись оставалось только совсем немного обработать, убрав из нее народные обороты речи. Необычайная близость публикаций Е.А. Авдеевой и А.Н. Афанасьева объяснима только знакомством информатора, текст которого использован Афанасьевым, с публикацией Авдеевой. Доказать это просто: *«намела пригоршни с двои муки»* (Сказки XIX, № 26) = *«набралось муки пригоршни с две»* (Аф, № 36). Точно также многие послереволюционные записи сказки «Колобок» очень похожи на публикацию Афанасьева по той причине, что рассказчики читали сказки в его публикации или в обработке Ушинского. Этакий круговорот сказок в природе. Итак, то, что именно этот вариант навсегда попал в книгоиздательский бизнес, обусловлено выбором К. Д. Ушинского, как и в случае с другими «детскими сказками». Если бы не он, мы бы имели дело с совершенно иным ходом истории о Колобке, или даже не знали ее вовсе. Исследователи обычно проходили мимо этой сказки (ограничиваясь чуть ли не текстом из сборника Афанасьева), видимо, не находя в ней глубокого смысла, однако Н.И. Толстой на примере всего лишь одного, самого простого варианта сказки «Колобок» нашел здесь «скрытую мифологичность», обусловленную несколькими отчетливо прослеживающимися магическими темами (Толстой 1995, С. 42), которые мы упомянем дальше.

Публикация Авдеевой – не канон, не единственно верный текст, а лишь один из нескольких вариантов, которому в каком-то

смысле повезло оказаться зафиксированным первым. Оглядываясь на прочие варианты, остается только предположить, что этот явно усеченный текст, весьма прямолинейно выстроенный, является обработкой Е.А. Авдеевой, постаравшейся убрать из истории моменты, представляющиеся нелогичными, запутанными (в ее время принципа невмешательства публикатора в народный текст еще не существовало). Если наша гипотеза верна, то в итоге мы имеем дело действительно со сказкой, где мифологическое зерно выхолощено за ненадобностью, в угоду назидательному эффекту. Хотите узнать, как на самом деле разворачивалось короткое житие Колобка в народе, кто такой Колобок и в чем смысл его странствия и кончины? Давайте присмотримся к другим текстам.

Для начала, собственно, разберемся, а кто такой или что такое «колобок». Поскольку его пекут, а дед и бабка собираются им отобедать, то понятно, что это еда, выпечка. Судя по тому,

Колобок как он есть

что передвигается он за счет перекатывания, – это выпечка круглой формы. Да и название ее более чем прозрачно: *колоб* (от *коло* «круг») + уменьшительный суффикс *ок*, т.е. буквально «маленькая круглая выпечка». В народе записаны еще такие варианты имени героя сказки как, рус. калуж. *Калабуг* (Сказки XIX, № 45), олонец. *Колубок* (Ончуков, № 133). Словари диалектов русского языка дают нам следующие толкования слова «*колобок*» и близких к нему:

- ☛ *колобок* нижегор. «белый пресный натертый хлеб» (Даль 2, С. 350),
- ☛ *колобур* «небольшой круглый хлебец», «толстая пресная лепешка (иногда на молоке)», «пряженец из кислого теста», олон. (?) «круглый пирог с толокном»,
- ☛ *колобух* «ком, шар (из теста, глины и т.п.)», «пряженец из кислого теста», ворон. «пресная лепешка (иногда на молоке)»,
- ☛ *колабух* курск, дон., калуж., тул. «небольшой хлебец, испеченный из остатков теста, поскребыш», краснодар., орл., тул. «маленький хлебец», ворон. «маленький ржаной хлебец», «плохо испеченный или черствый, неаппетитный хлеб», тул. «последний хлеб, вынутый из печи», ворон. «лепешка из остатков теста»,
- ☛ *колобух, колобуха* олон. (?) «круглый пирог с толокном»,
- ☛ *колабушек* ряз. «хлебец из остатков теста», ворон. «плохо испеченный хлебец»,
- ☛ *колобушек* ворон. «пресная лепешка», олон. (?) «круглый пирог с толокном»,
- ☛ *колобушечка* моск., ленингр. «круглая лепешка, колобок», том. «буханка хлеба [белого?]»,
- ☛ *калабушка* вят. «плохо испеченный хлеб», моск. «круглый крендель в вершок толщиной, с небольшим отверстием в центре (у калачников)», владим., тамб., твер., тул. «хлебец, испеченный из остатков теста, поскребыш», волог. «род пирога»,

- ☛ *калабушки* некрас. «пряники»,
- ☛ *колобушка* ленингр., твер. «круглая булка из пшеничной муки домашнего помола», «булка», нижегор. «белый кислый хлеб», тамб., твер., тул. «лепешка», «колоб, колобок, хлебный ком», пск. «ржаная лепешка», твер., яросл. «маленькая толстая лепешка», «пряженец из кислого теста», яросл. «колобок сдобный, испеченный на яйцах и масле или сметане», новг. «толстая лепешка из кислого ржаного или пшеничного теста, испеченная на сковороде», «круглый хлебец из житной муки с начинкой», «ватрушка с картофельной начинкой», олон. (?) «круглый пирог с толлоком», волог. «пирог, испеченный на капустном листе», «ватрушка», нижегор. «пресный хлебец из пшеничной муки», «белый хлеб домашней выпечки», моск. «маленький ржаной хлебец»,
- ☛ *колобушки* новг. «овсяные или ржаные лепешки», костр. «печенье из пресного теста, в виде жгутиков»,
- ☛ *колобынька* коми. «Колобки, плюшки у их все пекли, колобынькой и называли»,
- ☛ *колобышка* куйбыш. «небольшой хлебец из остатков теста (обычно круглый)», ворон., моск. «оладья, лепешка, небольшая пышка»,
- ☛ *колабышка* вят. «сдобная лепешка с запеченным яйцом»,
- ☛ *колобышки* дон. «булочки, печенье» (СРНГ 14, С. 147–149),
- ☛ *колоб* сиб., перм., свердл. «ком, шар, скатанный из теста или какой-либо тестообразной массы», арх., костр., олон., пск., твер. «небольшой круглый хлеб, каравай из пшеничной (реже ячменной) муки (обычно сдобный, испеченный на сковороде)», новг. «род каравай из крупы с творогом», «булка, белый хлеб», арх. «булочка на масле», «булочка из гороховой муки», арх., владим., вят., карел., коми., новг., пск., твер. «лепешка», карел. «пышка из кислого пшеничного теста», арх. «пряник из сдобного теста», «сдобное пе-

- ченье (обычно на сметане)», волог. «пирог», олон. «пирог, пирожок из толокна или ячменной муки с маслом», ленингр., олон. «род ватрушки из ржаной муки, с начинкой из толокна, смазанной маслом и сметаной», новг. «пирог, намазанный сметаной», «непомазанная творогом ватрушка»,
- ☛ *колуб* олон. «род печенья из пшеничной и житной крупы», арх. «шаньги: колуб, калитка, расстегай»,
  - ☛ *колобы* арх. «лепешки из толокна, испеченные на сливочном масле», «сдобное печенье из ячменной муки», олон. «лепешка из толокна или житной муки на сметане или масле, завернутая снизу в сочень из ржаной муки и испеченная на поду», «толстая круглая ржаная лепешка, начиненная толокном», карел. «выпечка из овсяной муки», вят. «блины», забайк. «блины из гречневой муки», волог. «олады из кислого жидкого теста, печеные (или пряженые) на сковороде», арх. «кушанье в виде небольших шариков из муки или толокна, слегка приплюснутых сверху и испеченных на масле»,
  - ☛ *колаба* арх. «маленькая круглая выпуклая лепешка»,
  - ☛ *колобан* симб. «хлеб из пшеничной или ячменной муки, имеющий различную форму», «большой калач», нижегор., пенз., симб. «белый хлеб», волог. «круглый хлебец из пшеничной муки, который пекли по постным дням (средам и пятницам)», «продолговатый ячменный хлебец с заостренными концами (в форме лодки)»,
  - ☛ *колобаиш* волог. «круглый постный хлебец из пшеничной муки, который пекли по постным дням (средам и пятницам)»,
  - ☛ *колобашек, калабашек* сиб. «маленький ржаной хлебец», «колоб, колобок, лепешка, хлебный ком, хлебец из поскребков квашни», иван. «пышка на масле»,
  - ☛ *колобашичка* томск. «кусочек теста», «булочка из муки низшего сорта или из отрубей», калуж., моск., тул. «небольшой круглый хлебец (?)», моск. «род ватрушки (?)»,

- ☛ *колобашка, калабашка* вят. «ком, шар (из теста, глины и т.п.)», «небольшой ячменный хлебец», арх., моск., пск., сарат., тул. «небольшой круглый хлебец, каравай (выпекаемый на поду или в специальной форме)», владим. «ситный хлебец», симб. «белый хлеб», нижегор. «белый пшеничный круглый хлеб (весом от пяти до восьми фунтов)», бурят. «буханка круглого хлеба», оренб., уфим. «мягкий пышный домашний хлеб, булка; папушник», казан. «маленькая круглая булочка из пшеничной муки домашнего помола», дон. «небольшая булочка», владим., яросл. «лепешка», курган. «свекольные или морковные лепешки», волгогр. «пирог (?), лепешка (?) с яйцами», уфим. «круглый пирог», *колобашки* удм. «маленькие булочки, приготовленные из смеси творога и сметаны» (СРНГ 14, С. 140–142).

Вероятно, к тому же корню *колоб* восходят и названия типа *кулебяка* «продолговатый пирог с рыбой, капустой, кашей» (Фасмер 2, С. 409).

Чтобы стало более понятно, что собой представлял «типичный колобок», можно привести один из рецептов его приготовления (хотя это будет интересно, главным образом женщинам, увлекающимся выпечкой): «Колобы. Ячменную муку смешивают со сметаной, сливочным маслом, солью и замешивают густое тесто, которое разделявают на плоские колобки высотой 1,5–2 см и диаметром 5–6 см. Колобы пекут на сметане и без нее» (Черемухина, С. 158). Сам Колобок охотно сообщает подробности своего появления на свет, сиречь, приготовления. Рецепт, разумеется, разнится от региона к региону: «*В сыром масле пряжон*» (Зеленин П, № 75; Смирнов, № 289), «*я на масле печен, на сметане верчен*» (Балашов, № 98), «*На опаре мешен*» (Сказки XIX, № 26), «*На сметане мешон, // Да в масле пряжон*» (Аф, № 36; Бессонов, № 99), «*на сметанки мешон*» (Ончуков, № 133; Королькова, С. 380), «*С толокном мешон*» (Карнаухова, № 25), укр. «*На яйцях спечений*» (Рудченко 2, № 2). Тут нужно разъяснить практически вышедший ныне из употребления кулинарный

термин «пряжение» – это жарение в большом количества масла, аналогично современному приготовлению «во фритюре». Приём, для русской кухни не очень характерный, но так готовили (и готовят), например, всем известное печенье «хворост». Очередная странность – у стариков нечего есть, и, чтобы испечь героя сказки, они даже вынуждены побираться: рус. *«У них не было ни хлеба, ни соли, ни кислых щей»* (Смирнов, № 289), блр. *«Вот пошли по миру ходиць. Ходзили яны, ходзили и назбирали добра на целый пирог»* (Романов 3, № 21а, сноска), но при этом колобок замешивают на сметане, на яйцах, на меду (Акимова, № 415), жарят в большом количестве масла! На голод, мягко говоря, не похоже. Можно ли было все это получить, побираясь? Сомнительно. Яйца подразумевают наличие домашней птицы, а сметана – коровы. Дело было вовсе не в голоде, и к причинам, зачем старики испекли Колобка, мы еще вернемся – ведь это самое любопытное!

Сажание Колобка в печь

Как мы помним из сказки, старушка наскребает и намечает для выпечки муки по амбарам и сусекам (две горсти), т.е. это нечто последнее и определенно небольшое, что вполне соответствует ряду определений из словаря Даля. Имя Колобка – вовсе не имя, как нам казалось в детстве: это просто название небольшого круглого хлеба, выпеченного из остатков теста, а в данном случае – муки. Как он сам говорит: *«Я не вкусный: на муке с пылью замешен»* (Арзамас 1, № 199). Более того, его вовсе обязательно могут звать так. Вместо Колобка в сказке действует беглец с иным именем / другой формы: рус. *Пирожок* (Акимова, № 415; Прибалт, № 200; ФСЛ 1, № 27), блр. *Піражок* (БНТ 1, № 126; Романов 3, № 21а, в), *Пирог* (Романов 3, № 21а, сноска), *Хлеб* (Шейн 2, № 6а), укр. *Колачик* (Зинчук 22, № 63), *Коржик* (Зинчук 38, № 8; Зинчук 39, № 186; КПТ, № 499), *Періжок* (Левченко, № 449), *Пырожок* (Бессараба, № 20), *Бублик* (Зинчук 35, № 128), болг. *Зелник* «пирог с капустной начинкой», «овощной пирог» (Лежев, № 2; Пазарджишко, № 4). Забавно, не правда ли? Как меняется привычная картина мира! Оказывается, герою сказки необязательно быть именно Колобком, да и форма его – не идеально круглая, ведь пирожок скорее *округлый*. Принципиально, чтобы это был хлеб, испеченный в печи или поджаренный в масле. И да, Колобков может быть несколько: рус. *«Она помела да три калабуга намела. Один калабуг положила на окно, а другой на судью лавочку (против печки), а третью на загнетку (печка)»* (Сказки XIX, № 45), *«Она сходила, там наскребла, несколько колобочков и испекла»* (Балашов, № 115). Сбежать удастся только тому, что лежал на окне, или тому, что укатился, когда их вынимали из печи. Ср. также болгарский пример, где Колобок-пирог врет медведице, что у него есть десять детей (Пазарджишко, № 4).

Н.И. Толстой показал, что появление Колобка за пределами избы стариков в сказке подается посредством известной магической формулы: «Что касается выхода Колобка из дома – «из дверей через порог в сени, из сеней на крыльцо, с крыльца на